

Олимпиадные задания муниципального тура Всероссийской олимпиады по литературе для учащихся 10 класса.

1. Аналитическое задание

Выполните комплексный анализ поэтического или прозаического текста (по Вашему выбору). Обратите внимание на способы выражения идейной проблематики. Что помогает автору раскрыть свой замысел? Как система образов и композиционное построение влияют на создание подтекста и восприятие его читателем? Остановившись на наиболее значимых, по Вашему мнению, эпизодах произведения, докажите, что благодаря им автору удастся создать особый эмоциональный эффект, напряженность. Определяя стилистические особенности произведения, прокомментируйте их функции и назначение в тексте. Не забывайте о логике изложения своей работы: текст должен быть связным и представлять собой литературоведческую интерпретацию произведения. Использование литературоведческой терминологии придаст Вашей работе научный характер.

Эдуард Асадов

России

Ты так всегда доверчива, Россия,
Что, право, просто оторопь берет.
Еще с времен Тимура и Батыя
Тебя, хитря, терзали силы злые
И грубо унижали твой народ.

Великая трагедия твоя
Вторично в мире сыщется едва ли:
Ты помнишь, как удельные князья,
В звериной злобе, отчие края
Врагам без сожаленья предавали?!

Народ мой добрый! Сколько ты страдал
От хитрых козней со своим доверьем!
Ведь Рюрика на Русь никто не звал.
Он сам с дружиной Новгород подмял
Посулами, мечом и лицемерьем!

Тебе ж внушали испокон веков,
Что будто сам ты, небогат умами,
Слал к Рюрику с поклонами послов:
«Идите, княже, владейте нами!»

И как случилось так, что триста лет
После Петра в России на престоле, —
Вот именно, ведь целых триста лет! —
Сидели люди, в ком ни капли нет
Ни русской крови, ни души, ни боли!

И сколько раз среди смертельной мглы
Навек ложились в Альпах ли, в Карпатах
За чью-то спесь и пышные столы
Суворова могучие орлы,
Брусилова бесстрашные солдаты.

И в ком, скажите, сердце закипело?
Когда тебя, лишая всякой воли,
Хлыстами крепостничества пороли,
А ты, сжав зубы, каменно терпела?

Когда ж, устав от захребетной гнили,
Ты бунтовала гневно и сурово,
Тебе со Стенькой голову рубили
И устрашали кровью Пугачева.

В семнадцатом же тяжкие загадки
Ты, добрая, распутать не сумела:
С какою целью и за чьи порядки
Твоих сынов столкнули в смертной схватке,
Разбив народ на «красных» и на «белых»?!

Казалось: цели — лучшие на свете:
«Свобода, братство, равенство труда!»
Но все богатыри просты, как дети,
И в этом их великая беда.

Высокие святые идеалы
Как пыль смело коварством и свинцом,
И все свободы смяло и попрало
«Отца народов» твердым сапогом.

И все же, все же, много лет спустя
Ты вновь зажглась от пламени плакатов,
И вновь ты, героиня и дитя,
Поверила в посулы «демократов».

А «демократы», господи прости,
Всего-то и умели от рожденья,
Что в свой карман отчаянно грести
И всех толкать в пучину разоренья.

А что в недавнем прошлом, например?
Какие честь, достоинство и слава?
Была у нас страна СССР —
Великая и гордая держава.

Но ведь никак же допустить нельзя,
Чтоб жить стране без горя и тревоги!
Нашлись же вновь «удельные князья»,
А впрочем, нет! Какие там «князья»!
Сплошные крикуны и демагоги!

И как же нужно было развалить
И растащить все силы и богатства,
Чтоб нынче с ней не то что говорить,
А даже и не думают считаться!

И сколько ж нужно было провести
Лихих законов, бьющих злее палки,
Чтоб мощную державу довести
До положенья жалкой приживалки!

И, далее уже без остановки,
Они, цинично попирая труд,
К заморским дядям тащат и везут
Леса и недра наши по дешевке!

Да, Русь всегда доверчива. Все так.
Но сколько раз в истории случалось,
Как ни ломал, как ни тиранил враг,
Она всегда, рассеивая мрак,
Как птица Феникс, снова возрождалась!

А если так, то, значит, и теперь
Все непременно доброе случится,
И от обид, от горя и потерь
Россия на куски не разлетится!

И грянет час, хоть скорый, хоть не скорый,
Когда Россия встанет во весь рост.
Могучая, от недр до самых звезд
И сбросит с плеч деляческие своры!

Подымет к солнцу благодарный взор,
Сквозь искры слез, взволнованный и чистый,
И вновь обнимет любящих сестер,
Всех, с кем с недавних и недобрых пор
Так злобно разлучили шовинисты!

Не знаю, доживем мы или нет
До этих дней, мои родные люди,
Но твердо верю: загорится свет,
Но точно знаю: возрожденье будет!

Когда наступят эти времена?
Судить не мне. Но разлетятся тучи!
И знаю твердо: правдой зажжена,
Еще предстанет всем моя страна
И гордой, и великой, и могучей!

1993

Константин Паустовский

Бриз

Весь день шел дождь с холодным, порывистым ветром. Такая погода часто бывает в Москве в начале мая. Все было серое: небо, дым над крышами, самый воздух. Только асфальт блестел, как черная река. К старому, одинокому доктору в большой дом на набережной Москвы-реки пришел молодой военный моряк. В 1942 году моряк был тяжело ранен во время осады Севастополя и отправлен в тыл. Доктор долго лечил его, и в конце концов они подружились. Сейчас моряк приехал на несколько дней из Черноморского флота. Доктор пригласил моряка к себе на бутылку кахетинского и оставил ночевать. В полночь радио сообщило о взятии

нашими войсками Севастополя. Салют был назначен на час ночи – тот час, когда улицы Москвы совершенно пустеют. Дожидаясь салюта, доктор и моряк беседовали, сидя в полутемном кабинете.

– Любопытно, – сказал доктор, допивая вино, – о чем думает человек, когда он тяжело ранен. Вот вы, например, о чем вы думали тогда под Севастополем?

– Я больше всего боялся потерять коробку от папирос «Казбек», – ответил моряк. – Вы, конечно, знаете, там на этикетке нарисован Казбек, покрытый снегом. Ранило меня на рассвете. Было еще свежо после ночи, в тумане светило раннее солнце, надвигался знойный, тяжелый день. Я терял много крови, но думал об этой коробке и о снегах на Казбеке. Мне хотелось, чтобы меня зарыли в снег. Я был уверен, что от этого прекратится кровотечение и мне будет легче дышать. А солнце все подымалось. Лежал я в тени от разрушенной ограды, и эта тень делалась с каждой минутой все меньше. Наконец солнце начало жечь мои ноги, потом руку, и я очень долго подымал эту руку и передвигал ее, чтобы закрыть ладонью глаза от света. Пока что я не чувствовал особенной боли. Но я твердо помню, что все время беспокоился из-за коробки «Казбека».

– Почему вы так боялись ее потерять?

– Да как вам сказать... Почти у всех новичков на фронте есть одна глупая привычка – на всем, что они таскают с собой, писать адреса родных. На чехлах от противогазов, полевых сумках, на подкладке пилотов. Все кажется, что тебя убьют и не отыщется никакого следа. Потом это, конечно, проходит.

– Чей же адрес вы написали на вашей папиросной коробке? – спросил доктор и хитро прищурился.

Моряк покраснел и ничего не ответил.

– Ну, хорошо, – сказал поспешно доктор. – Оставим этот вопрос.

В это время в квартиру позвонили. Доктор вышел в переднюю, открыл дверь. Молодой женский голос сказал, задыхаясь, из темноты:

– Сейчас салют. Можно мне посмотреть на него с вашего балкона?

– Ну конечно, можно! – ответил доктор. – Вы что? Бегом мчались с третьего этажа на восьмой? Сердце себе хотите испортить! Погасите свет, – сказал доктор; моряку из передней, – и пойдете на балкон. Только накиньте шинель. Дождь еще не прошел.

Моряк встал, погасил свет. В передней он поздоровался с незнакомой женщиной. Пальцы их столкнулись в темноте. Женщина ощупью нашла руку моряка и легко ее пожала.

Вышли на балкон. Пахло мокрыми железными крышами и осенью. Ранняя весна часто похожа на осень.

– Ну, – сказал доктор, ежась от дождя, – что же все-таки случилось с вашей коробкой «Казбека»?

– Когда я пришел в себя, коробка исчезла. Должно быть, ее выбросили санитары. Или сестра, которая меня перевязывала. Но вот что странно...

– Что?

– Та... то есть тот человек, чей адрес был на коробке, получил письмо о том, что я ранен. Сам я ему не писал.

– Ничего странного, – сказал доктор. – Кто-то взял коробку, увидел адрес и написал. История самая обыкновенная. Но вы, кажется, склонны придавать ей преувеличенное значение.

– Нет, почему же? – смутился моряк. – Но, в общем, это письмо обо мне уже оказалось в то время ненужным.

– Почему?

– Да, знаете, – ответил, поколебавшись, моряк, – любовь – как бриз. Днем он дует с моря на берег, ночью – с берега на море. Не все же нас так преданно и терпеливо ждут, как нам бы хотелось.

– Однако, – заметил насмешливо доктор, – вы разговариваете, как заправский поэт.

– Боже мой! – воскликнула женщина. – Какой вы прозаический человек, доктор!

– Нет, позвольте! – вскипел доктор.

В это время багровым огнем вспыхнул первый залп. Пушечный гром прокатился над крышами. Сотни ракет полетели, шипя под дождем, в мутное небо. Они озарили город и Кремль разноцветным огнем. Ракеты отражались в асфальте.

На несколько мгновений город вырвался из темноты. Появилось все то, что жильцы высокого дома видели каждый день: Кремль, широкие мосты, церкви и дома Замоскворечья.

Но все это было совсем другим, чем при свете дня. Кремль казался повисшим в воздухе и очень легким. Ускользящий блеск ракет и дождевой туман смягчили строгие линии его соборов, крепостных башен и колокольни Ивана Великого. Величественные здания потеряли тяжесть. Они возникали как вспышки света в пороховом дыму ракет. Они казались созданными из белого камня, освещенного изнутри розовым огнем.

Когда погасала очередная вспышка, гасли и здания, будто они сами являлись источником этого пульсирующего огня.

– Прямо феерия какая-то! – сказала женщина. – Жаль, что салют в двадцать четыре выстрела, а не в сто двадцать четыре.

Она помолчала и добавила:

– Севастополь! Помните, какая там очень-очень прозрачная и зеленая вода? Особенно под кормой пароходов. И запах поломанных взрывами сухих акаций.

– То есть как это «помните»? – сказал доктор. – Кого вы спрашиваете? Я в Севастополе не был.

Женщина ничего не ответила.

– Но я-то все это хорошо помню, – сказал моряк. – Вы были в Севастополе?

– Примерно тогда же, когда и вы, – ответила женщина.

Салют окончился. Женщина ушла, но через несколько минут вернулась, пожаловалась на головную боль, попросила у доктора пирамидона и снова ушла, смущенно попросившись. Ночью моряк проснулся, посмотрел за окна. Дождь прошел. В разрывах между туч горели звезды. «Меняется погода, – подумал моряк, – поэтому и не спится». Он снова задремал, но протяжный голос сказал совсем рядом: «Какая там очень-очень прозрачная вода!» – и моряк очнулся, открыл глаза. Никого в комнате, конечно, не было.

Он потянулся к коробке папирос на стуле. Она была пуста. Он вспомнил, что у него есть еще папиросы в кармане шинели. Моряк встал, накинул халат, висевший на спинке стула, вышел в переднюю, зажег свет. На столике около зеркала, на его морской фуражке лежала изорванная и измятая коробка «Казбека». Большое черное пятно закрывало рисунок снежной горы.

Моряк, еще ничего не понимая, взял коробку и открыл ее, – папирос в ней не было. Но на крышке с внутренней стороны он увидел знакомый адрес, написанный его собственной рукой. «Откуда она здесь? – подумал моряк. – Неужели...» Почему-то испугавшись, он быстро погасил свет и, зажав коробку в руке, вернулся в комнату. До утра он уже не мог уснуть.

Утром моряк ничего не сказал доктору. Он долго брился, потом умывался холодной водой, и руки у него вздрагивали. «Глупо! – думал моряк. – Что за черт!»

Пропитанный солнцем туман лежал над Москвой. Окна стояли настежь. В них лилась ночная свежесть. Утро рождалось в сыром блеске недавнего дождя.

В этом утре уже было предчувствие длинного лета, теплых ливней, прозрачных закатов, летящего под ноги липового цвета.

Моряк почему-то был уверен, что это утро и не могло быть иным. Тишина на рассвете, такая редкая в Москве, не успокаивала, а, наоборот, усиливала его волнение.

– Что, в самом деле, за черт! – сказал вполголоса моряк. – В конце концов бывают же в жизни и не такие случаи.

Он догадывался, что эта женщина работала, очевидно, сестрой в Севастополе, первая перевязала его, нашла коробку с адресом и написала письмо той, другой женщине, забывшей его так легко и быстро. А вчера она услышала его рассказ, узнала его и нарочно принесла эту коробку «Казбека».

«Да, но зачем она ее сберегла? И почему ничего не сказала? От молодости, – решил моряк. – Я же сам люблю всякие таинственные вещи. Надо обязательно зайти к ней и поблагодарить». Но тут же он понял, что понадобится отчаянная смелость, чтобы нажать кнопку звонка у ее дверей, и что он вряд ли на это решится.

Через час моряк вышел от доктора. Спускался он по лестнице очень медленно. На третьем этаже он остановился. На площадку выходило три двери.

Моряк с облегчением подумал, что он не спросил доктора, в какой квартире живет эта женщина и как ее зовут. Да и неловко об этом спрашивать. А теперь нельзя же звонить подряд во все двери и спрашивать неизвестно кого!

В это время за одной из дверей моряк услышал знакомый голос. «Я вернусь через час, Маша, – сказал этот голос. – Я плохо спала эту ночь. Здесь очень душно. Пойду к реке».

Моряк понял, что вот сейчас, сию минуту она выйдет и застанет его на площадке. Он бросился к двери и с отчаянно бьющимся сердцем позвонил.

Дверь тотчас отворилась. За ней стояла вчерашняя женщина. Из двери дуло ветром. Он развевал легкое платье женщины, ее волосы.

Моряк молчал. Женщина вышла, захлопнула дверь, взяла его за руку и сказала:

– Пойдемте. Я провожу вас.

– Я хотел поблагодарить вас, – сказал моряк. – Вы спасли меня там... в Севастополе. И послали по этому адресу письмо...

– И, кажется, послала неудачно? – улыбнулась женщина. – Вы на меня не сердитесь?

Они спускались по лестнице. Женщина отпустила руку моряка, поправила волосы.

– За что? – спросил моряк. – Все это очень странно. И хорошо...

Женщина остановилась, заглянула ему в глаза.

– Не надо волноваться, – сказала она тихо. – Хотя, что я говорю. Я сама волнуюсь не меньше вас.

Они вышли на набережную, остановились у чугунных перил. Кремль просвечивал розовыми стенами сквозь утреннюю мглу.

Женщина прикрыла рукой глаза и молчала. Моряк смотрел на ее руку и думал, что на этих вот пальцах была, наверное, его кровь. На этих тонких и милых пальцах.

Женщина, не отнимая руки от глаз, сказала:

– Никогда я не верила, что это бывает так... сразу. И что я увижу вас снова после Севастополя.

Моряк взял ее руку. Он поцеловал эту маленькую и сильную руку, не обращая внимания на прохожих. Прохожие шли мимо, как бы ничего не замечая. Только отойдя очень далеко, они украдкой оглядывались и смущенно улыбались.

1944 г.

2. Творческое задание

Перед Вами герои известных произведений русской литературы века. Измените их фамилии и имена в соответствии с авторским пониманием этих образов, используя прием говорящих фамилий, свойственный эстетике классицизма. Создайте текст, используя произвольную комбинацию этих героев с недостающими (вымышленными Вами или литературными) для воплощения Вашего творческого замысла. С помощью этой системы образов актуализируйте одну из вечных тем отечественной классики.

1. *Князь Игорь*
2. *Е.Онегин*
3. *Тарас Бульба*
4. *Эраст*
5. *Максим Максимыч*
6. *Татьяна Ларина*
7. *Чичиков*
8. *Маша Миронова*